

А. Богданов

Эмпириомонизм

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А. Богданов**
Эмпириомонизм: Книга 2 / А. Богданов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
192 с.

ISBN 978-5-458-54656-0

ISBN 978-5-458-54656-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Дуализмъ «явленія» и «вещи въ себѣ» есть не что иное, какъ блѣдный, догорающій отблескъ другого, яркаго и полного жизни дуализма, того, который одухотворялъ всю правду, который за всякой физической реальностью находилъ скрытую въ ней и управляющую ею душу, словомъ—дуализма анимистовъ. Для нихъ «вещь въ себѣ» и явленіе находились въ очень простомъ и вполне реальномъ отношеніи, въ томъ самомъ, въ какомъ ихъ собственная техника къ дѣятельности ихъ тѣла. Это отношеніе представлялось всеобщимъ, и было первою формою развитія «категоріи» причинности.

Я не стану разсматривать здѣсь соціальнаго генезиса этой формы *),—здѣсь достаточно того несомнѣннаго факта, что она существуетъ и для извѣстной стадіи культурнаго развитія является всеобщей. Я не стану также описывать процессъ ея послѣдовательнаго преобразованія отъ первобытныхъ, грубо-реалистическихъ формъ до утонченнѣйшаго «идеализма» нашего времени **). Достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе факты. Прогрессъ трудового опыта привелъ къ разграниченію мертвой и живой природы; при этомъ душа была отнята у

*) Я выполнилъ это въ другой своей работѣ—„Изъ психологій общества“, статья объ „авторитарномъ мышленіи“ (Спб. 1904, раньше было напечатано въ „Образованіи“ 1903).

**) Съ логической стороны процессъ этотъ прослѣженъ Р. Авенариусомъ въ его работѣ „Человѣческое понятіе о мірѣ“ (есть русскій пер.).

большинства явленій и оставлена только живымъ существамъ, какъ необходимая предпосылка для пониманія и предвидѣнія ихъ реакцій. Но стремленіе мыслить всякую реальность двойственно не исчезло и не могло исчезнуть, пока по этому типу неизбѣжно мыслятся самыя близкія и самыя важныя реальности—люди и вообще живыя существа; стремленіе это принимало только новыя формы, приспособляясь къ новымъ содержаніямъ расширяющагося опыта. Такъ, метафизическія «силы» представляютъ изъ себя не что иное, какъ обезличенныя души вещей. Однимъ изъ результатовъ дальнѣйшаго обезличенія и опустошенія «душъ» явились «вещи въ себѣ». Онѣ — продуктъ философской обработки опыта по преимуществу.

Философія возникла какъ стремленіе мыслить все содержаніе опыта въ *однородныхъ* и *связныхъ* формахъ, и приобрѣла самостоятельное значеніе именно какъ реакція противъ чрезмѣрной раздробленности и противорѣчивости опыта, выступившей на опредѣленной стадіи культурнаго развитія *). Раздѣленіе природы на одушевленную и неодушевленную создало цѣлый рядъ затрудненій для философіи: какимъ способомъ связать въ однородныхъ формахъ мышленія такія разнородныя вещи? На почвѣ этихъ затрудненій, какъ способъ разрѣшить ихъ, и возникла «вещь въ себѣ».

Первоначальное, анимистическое пониманіе причинной связи характеризуется тѣмъ, что въ немъ цѣпь причинъ *ограниченна* и обрывается на опредѣленномъ звенѣ, именно—духъ, который и является тогда *послѣдней* причиной даннаго ряда фактовъ. «Духъ», «душа»—это нѣчто «свободное», дѣйствующее изъ самого себя, не нуждающееся въ дальнѣйшемъ «объясненіи». Въ эпоху всеобщаго анимизма вся цѣпь причинности сводилась, такимъ образомъ, въ каждомъ данномъ случаѣ всего

*) Именно на той стадіи, когда развивается спеціализація, и авторитарно-родовыя общины разлагаются, уступая мѣсто анархіи товарнаго хозяйства. (См. мою ст. „Собираніе чело-вѣка“, „Правда“, 1904, 4).

къ *двумъ* звеньямъ: явленіе и духъ, который за нимъ скрывается. Этотъ духъ можетъ дѣйствовать сообразно *цѣлямъ*, какъ человѣкъ, но нѣтъ и мысли о *причинахъ* его дѣйствій и цѣлей.

Прогрессъ технического опыта—борьбы съ природой—вызвалъ удлиненіе этой цѣпи, но основной характеръ ея не измѣнялся: во-1), отношеніе всякой причины къ ея слѣдствію продолжало мыслиться антропоморфически, на подобіе отношенія между волей человѣка и вызываемыми ею дѣйствіями, во-2), цѣпь обязательно оканчивалась на «послѣдней причинѣ»—свободной душѣ, или высшемъ творческомъ духѣ, или на активной изъ себя «силѣ» и т. п.

Чѣмъ труднѣе было удержатъ «душу» въ явленіяхъ неорганической природы, тѣмъ настоятельнѣе становилась потребность въ ея замѣнѣ какой-нибудь иной «послѣдней причиной», иначе рядъ причинъ становился безконечнымъ, что было рѣзкимъ, мучительнымъ противорѣчіемъ для всего статическаго и дуалистическаго мышленія, которое привыкло и умѣло оперировать лишь съ ограниченными рядами, лишь съ прерывающимися цѣпиями.

«Сила»—обезличенная душа—только отчасти давала такую замѣну, потому что она, подобно «душѣ», выражала *активность*, являлась причиной измѣненій; а между тѣмъ въ процессъ успѣшной борьбы съ природой все больше выступала «пассивность» вещей, необходимость активнаго воздѣйствія на нихъ для того, чтобы онѣ обнаружили скрытыя въ нихъ «силы».

Для цѣльнаго мышленія требовались «послѣднія причины» вещей и со стороны ихъ активности, и со стороны ихъ пассивности, причины и «дѣйствія» вещей и ихъ простого «существованія». Эти «послѣднія причины» и получили названіе «вещей въ себѣ».

Развитіе «вещи въ себѣ» шло совершенно такимъ же путемъ, какъ развитіе «души»—отъ грубаго реализма къ утонченнѣйшему идеализму. «Душа», какъ извѣстно, была на

раннихъ стадіяхъ анимизма простымъ *удвоеніемъ* челоѣка, его точнымъ подобіемъ, вложеннымъ внутрь его тѣла, а потомъ все болѣе теряла физическія свойства, становилась все эфирнѣе и нѣжнѣе, пока не превратилась въ чистѣйшую абстракцію. Аналогичнымъ образомъ «вещь въ себѣ» сначала была точнымъ повтореніемъ вещи-явленія; и еще у древнихъ грековъ было распространено такое, напр., воззрѣніе, по которому мы видимъ вещи благодаря тому, что отъ нихъ отдѣляются маленькія и тонкія ихъ точныя подобія, которыя и попадаютъ въ глазъ.—Но по мѣрѣ того какъ обнаруживалась зависимость воспріятія внѣшнихъ предметовъ отъ состоянія органовъ чувствъ и нервной системы, различіе между «вещью въ себѣ» и «явленіемъ» стало возрастать. Выяснено было, что, напр., цвѣтъ вещи не можетъ быть отнесенъ къ свойствамъ «вещи въ себѣ», потому что различнымъ людямъ однѣ и тѣ же вещи могутъ представляться въ различной окраскѣ: наше «красное» и «зеленое» кажутся многимъ дальтонистамъ однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ, а для слѣпыхъ вовсе не существуютъ. Аналогичнымъ образомъ оказалась «субъективной» характеристика «теплое» и «холодное»: одна и та же вода можетъ ощущаться какъ «холодная» для согрѣтой руки и какъ «теплая» для охлажденной. То же относится къ запаху «вещей», къ ихъ вкусу и т. д.

Такъ возникло разграниченіе между «кажущимися» или «субъективно-существующими для насъ» свойствами вещей, и свойствами «вполнѣ реальными», «объективными». Первые зависятъ отъ нашей организаціи,—такъ сказать, привносятся ею въ «явленія», вторыя отъ нея независимы, принадлежать «вещамъ въ себѣ». Такъ смотрѣли на дѣло еще сенсуалисты и материалисты 17-го и 18-го столѣтія. Всего дольше въ качествѣ «объективныхъ» свойствъ «вещамъ въ себѣ» приписывались протяженность (форма) и непроницаемость.

Кантъ сдѣлалъ послѣдній шагъ въ очищеніи «вещи въ себѣ» отъ всякой реальности: онъ отнялъ у ней всѣ «чувственные» свойства, даже пространственность; его трансценден-

тальная эстетика учитъ, что воспріятіе вещей въ пространствѣ, какъ и во времени, есть результатъ нашей познавательной организаціи, свойствъ «субъекта». При этомъ «вещь въ себѣ» потеряла всякое *опытное* содержаніе, и стала непознаваемой.

И здѣсь, какъ это произошло съ понятіемъ «души», развитіе привело къ голой, пустой абстракціи; при чемъ обѣ абстракціи соединились вмѣстѣ—«свободная» и «безсмертная» душа попала въ міръ «ноуменовъ», или «вещей въ себѣ». Это соединеніе подтверждаетъ и освѣщаетъ идею объ ихъ общемъ происхожденіи.

II.

Опустошенная Кантомъ «вещь въ себѣ» стала познавательно-бездельной. Значить ли это, что она была только «заблужденіемъ»?

Конечно, нѣтъ. Правда, она была по преимуществу *философскимъ* продуктомъ; практическое сознаніе большей частью обходилось безъ нея, считая всѣ вещи—вещами для себя, и не раздѣляя ихъ нисколько отъ вещей «въ себѣ». Но философская потребность есть *законная* потребность познанія; и ея удовлетвореніе не было ни забавой, ни роскошью.

Потребность эта—стремленіе мыслить монистически. Вещь въ себѣ была результатомъ распространенія на всю природу того дуализма, который развился изъ анимистическихъ воззрѣній. Она—преобразованная «душа» явленія; а «душа» не была ни въ какомъ случаѣ простой ошибкой познанія.

Чтобы понимать и предвидѣть дѣйствія людей и другихъ живыхъ существъ, человекъ *долженъ* принимать у нихъ воспріятія и представленія, эмоціи и стремленія, подобныя своимъ собственнымъ. Ошибка начинается тогда, когда онъ помѣщаетъ все это *внутри* тѣлъ. Ошибка расширяется и развивается, когда *такіе же* психическіе комплексы онъ вкладываетъ и въ неорганизованныя тѣла, «одушевляя» неживую природу.

«Вещь въ себѣ» не страдаетъ этой второй погрѣшностью.

Она не антропоморфна. До Канта, она страдает первой погрѣшностью: она «интроэцирована», она представляется скрытой подъ явленіемъ *пространственно*. У Канта она уже оказывается исправленной въ этомъ отношеніи—виѣ-пространственной*). Я склоненъ думать, что этой особенноти кантовскаго ученія Авенаріусъ отчасти обязанъ, сознательно или безсознательно, своей идеей о ненужности интроэкции, «вкладыванья» психики въ тѣло. Отъ мысли Канта о нелогичности пространственнаго представленія «вещи въ себѣ», этого гомолога «души», было легко (психологически легко, разумѣтся) перейти къ мысли о неправильности пространственнаго представленія о психикѣ, объ ея отношеніи къ тѣлу.

Такъ или иначе, если «вещь въ себѣ» есть исторически-производное отъ «души», если она возникла первоначально, какъ результатъ философскаго стремленія, въ дополненіе и въ параллель къ принимаемой для живыхъ тѣлъ «душѣ» создать нѣчто аналогичное для всѣхъ остальныхъ явленій природы, то объективно-критическій анализъ «вещи въ себѣ», выясненіе положительныхъ ея элементовъ надо начать съ ея первообраза—«души».

Одна изъ модныхъ доктринъ нашего времени есть *панпсихизмъ*, идея о томъ, что каждому «физическому» процессу соотвѣтствуетъ и за нимъ скрывается процессъ «психическій», какъ процессамъ нервныхъ центровъ соотвѣтствуетъ и за ними скрывается «сознаніе». Эта современная реставрація всеобщаго анимизма имѣетъ, несомнѣнно, метафизическій характеръ; она не находитъ научнаго *примѣненія*, хотя и признается нѣкоторыми людьми науки; она не устраняетъ коренного дуализма духа и тѣла, а только поэтически его обобщетъ. И все-таки эта теорія выражаетъ ту же законную потребность—мыслить монистически, сдѣлать разъ признанныя *необходимыми*

*) Впрочемъ, также и виѣ-временной. Это дѣлаетъ ее вполне метафизической, вполне „непознаваемой“, какой и должна быть абсолютно-пустая абстракція.

формы познанія—всеобщими, не ограничивая ихъ отдѣльной частной областью явленій.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли совершенно необходимо хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ за «физическимъ» подставлять «психическое»? Не можетъ ли человѣкъ разсматривать другія живыя существа только какъ «тѣла», движущіяся среди другихъ тѣлъ, какъ сложные, своеобразно дѣйствующія машины? не можетъ ли онъ обойтись безъ «гипотезы» о томъ, что они «чувствуютъ», «мыслятъ», «желаютъ», что ихъ дѣйствія стоятъ въ зависимости отъ «психическихъ переживаній»? Пусть даже никто не можетъ обойтись безъ этой «гипотезы» практически; но нельзя ли отрѣшиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, въ области чистой *теоріи*? Не окажется ли такая точка зрѣнія наиболѣе строго позитивной, наиболѣе «критической», наиболѣе чуждой компромисса между знаніемъ и вѣрой? Если въ «гипотезѣ» есть догматизмъ, то критика *должна* съ нимъ покончить...

Вопросъ этотъ не такъ сложенъ и труденъ, какъ можетъ показаться. Онъ легко устраняется фактомъ *соціальности познанія*. Мышленіе нераздѣльно съ представленіемъ о *доказательствѣ* истиннаго и *опроверженіи* ложнаго; а то и другое предполагаетъ *соціальное общеніе* людей. Субъективная характеристика «истины» для всякаго, кто думаетъ, что нашелъ ее, заключается въ томъ, что онъ можетъ доказать ее всякому другому достаточно разумному существу, что она, эта истина, «общеобязательна», т. е. имѣетъ значеніе не только для него, ея даннаго обладателя, но и для его со-человѣковъ.—Такимъ образомъ психическій солипсизмъ, не признающій наличности психики у другихъ людей, впадаетъ не только въ практическое противорѣчіе, когда выясняетъ другимъ людямъ свои взгляды; онъ впадаетъ и въ теоретическое противорѣчіе, когда считаетъ свои взгляды «истинными», т. е. доказуемыми, т. е. имѣющими значеніе не для него одного».

...Мы видимъ, что «гипотеза» о психикѣ другихъ людей вовсе въ дѣйствительности не гипотеза, а необходимый эле-

ментъ познанія. Когда подъ такія-то данныя высказыванія другихъ людей я подставляю такія-то данныя чувства и мысли, то гипотетично здѣсь только *данное содержаніе* подставляемаго; оно нерѣдко и бываетъ ошибочно: я могу «не понять» другихъ людей. Но самая подстановка — отнюдь не гипотеза, а «конститутивный признакъ» познанія, какъ борьбы за истину, борьбы соціальной и по генезису и по цѣли.

«Подстановка», о которой мы говоримъ, не представляетъ изъ себя ни въ какомъ случаѣ выхода за предѣлы возможнаго опыта. Ея правильность въ каждомъ данномъ случаѣ проверяется практикой: основываясь на своей «подстановкѣ», мы предвидимъ дѣйствія другихъ живыхъ существъ, и сообразно этому рассчитываемъ свои собственные поступки. Если при этомъ мы обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ, а въ самыхъ расчетахъ не находимъ никакой несообразности, то намъ приходится исправлять подстановку: «онъ обманулъ меня», «я его не такъ понялъ» и т. п.

Удачная «подстановка» становится тѣмъ болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ дальше отъ насъ отстоитъ другое существо по типу своей жизни и по ея тенденціямъ. «Понимать» иностранца труднѣе, чѣмъ соотечественника, кошку труднѣе, чѣмъ человека, амебу труднѣе, чѣмъ кошку, врага труднѣе, чѣмъ друга и т. д. Чѣмъ труднѣе «подстановка», тѣмъ больше приходится создавать по частнымъ случаямъ неудачныхъ гипотезъ, которыя затѣмъ мы вынуждены отвергать или исправлять. Каждая конкретная подстановка можетъ потерпѣть крушеніе, это не колеблетъ принципа подстановки, который остается неразрывно связанъ со всѣмъ нашимъ познаніемъ.

По мѣрѣ развитія опыта характеръ подстановки измѣняется. Вначалѣ она приводитъ къ наивному антропоморфизму: всѣ люди, всѣ живыя существа, и даже всѣ предметы неживой природы «понимаются» по прямой и непосредственной аналогіи съ психикой самого познающаго. Но шагъ за шагомъ въ аналогію вносятся поправки: частью уменьшается область ея примѣненія, — напр., перестаютъ одушевлять неор-

ганическую природу, перестают шелестъ листьевъ считать своеобразной рѣчью,—частью самое примѣненіе индивидуализируется сообразно суммѣ условій,—за сходными высказываніями принимается неодинаковое содержаніе, у животныхъ болѣе простое, чѣмъ у людей, у человѣка одного характера иное, чѣмъ у человѣка другого характера, и т. д. *Подстановка принимаетъ окраску относительности и условности.*

Что же вызываетъ такіа измѣненія? Развитіе другого типа познанія, познанія, скажемъ, «отвлеченнаго», которое сводится къ обобщающему описанію явленій, какъ они непосредственно выступаютъ въ опытѣ. Въ борьбѣ съ природой подстановка зачастую оказываетъ человѣку плохіа услуги, ведетъ къ непріятнымъ ошибкамъ и не-экономной растратѣ силъ. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ вынужденъ бываетъ совсѣмъ отказаться отъ привычной ассоціаціи наблюдаемаго «физическаго» съ предполагаемымъ «психическимъ», и ограничиться запоминаніемъ послѣдовательности фактовъ, какъ они протекали въ его опытѣ. Изъ такого запоминанія, при которомъ всего лучше сохранялось въ памяти наиболѣе повторяющееся въ явленіяхъ, и развилось то «натуралистическое» познаніе, которое составляетъ основное содержаніе современной науки и современнаго міровоззрѣнія вообще.

Это познаніе повсюду переплетается со старой «подстановкой», получая отъ нея зачастую антропоморфную, «фетишистическую» окраску. Такъ, функціональная связь условій и обусловленнаго—«причинность»—представляется вообще въ такомъ видѣ, что причина «вызываетъ» слѣдствіе на подобіе того, какъ наша воля вызываетъ дѣйствіе. Напр., «природа не терпитъ пустоты», «сила тяготѣнія стремится взаимно сближать массы», «растенія борются за существованіе», и т. под.— Но въ то же время это познаніе исправляетъ старую подстановку, намѣчая повсюду ея рамки и указывая, какъ приходится измѣнять ее въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, чтобы не встрѣтиться съ противорѣчіемъ. Оно констатируетъ, что организація вѣдшихъ чувствъ, интеллектуальныя способности,

характеръ, у различныхъ живыхъ существъ неодинаковы, и что при такихъ-то условіяхъ этого рода надо «подставлять» именно такія-то воспріятія, идеи, стремленія, хотя у самого «подставляющаго» при прочихъ равныхъ условіяхъ связь и отношеніе переживаній иныя. Кто, обладая нормальнымъ зрѣніемъ, принужденъ объяснять дорогу дальтонисту, тотъ долженъ помнить, что указанія на цвѣтъ домовъ и другихъ предметовъ могутъ сильно спутать его собесѣдника; кто хочетъ научить чему-нибудь ребенка, тотъ долженъ излагать связь фактовъ, не прямо въ томъ видѣ, какъ она выступаетъ въ его обычномъ мысленіи, а съ измѣненіями и переходами, приспособленными къ «пониманію» ученика; кто, будучи флегматикомъ, спорить съ сангвиникомъ, тому не слѣдуетъ забывать, что его оппонентъ придетъ въ страшный гнѣвъ изъ-за такого противорѣчія, которое въ немъ самомъ вызвало бы развѣ только легкое раздраженіе, и т. д.

Поправки эти становятся, вообще говоря, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше отъ организациі познающаго отстоитъ организациа того существа, которое приходится «понять». Констатируется, напр., отсутствіе у другихъ организмовъ тѣхъ «чувствъ», которыми мы обладаемъ (чему, я думаю, нѣтъ надобности приводить примѣры) или присутствіе такихъ, которыхъ у насъ нѣтъ (напр. «осязаніе на разстояніи» у летучихъ мышей, зрительныя впечатлѣнія отъ ультрафіолетовыхъ лучей у муравьевъ и т. под.); констатируются инстинкты и рефлексы, не похожіе на наши (напр. «геліотаксисъ» и «химіотаксисъ» у многихъ низшихъ организмовъ) и т. п. На извѣстномъ пунктѣ явленій поправки эти превращаются (при нынѣшнемъ состояніи знанія) въ рѣшительный скачекъ познанія—дается одна всеобщая поправка для неорганическаго міра и для растительнаго царства, а именно уничтоженіе самой подстановки (какъ увидимъ, только кажущееся).

Принимается, что рядъ непосредственныхъ переживаній, подобныхъ нашимъ психическимъ, совершенно обрывается на низшихъ животныхъ, что дальше идетъ въ этомъ смыслѣ *абсо-*